

Скороходов Михаил Евгеньевич
(1926–1994)

МИХАИЛ СКОРОХОВ

Путешествие на «Щель»

СБОРНИК
ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

Paulsen 2023

УДК 82.31
ББК 84(2=411.2)6
С44

Библиотека «Совкомфлота»

Публикуется по изданию:

Михаил Скороходов. В пыли снегов : Рассказы и повести. — Казань : Татарское кн. изд-во, 1986. — 351 с.

Скороходов, Михаил.

С 44 Сборник повестей и рассказов. — Москва : Путешествие на «Щелье» : сборник повестей и рассказов / Михаил Скороходов — Москва : Паулсен, 2023. — 280 с. — (Библиотека «Совкомфлота») ISBN 978-5-98797-369-1

Иллюстрации из фондов РГБ и газеты «Правда Севера».

УДК 82.31
ББК 84(2=411.2)6

Уважаемые читатели!

Серию книг «Библиотека Совкомфлота» продолжает сборник «Путешествие на «Щель» советского писателя, поэта и журналиста Михаила Евгеньевича Скороходова (1926–1994).

Творческий и жизненный путь Михаила Евгеньевича тесным образом связан с севером нашей страны. В военное лихолетье мальчишкой он встал к станку. После войны, окончив Литературный институт, работал на Диксоне в редакции газеты, был корреспондентом ТАСС. «Писателем я стал на Севере, где прошли лучшие годы моей жизни», — вспоминал впоследствии Скороходов, показывая в своих произведениях неповторимые картины северной природы, мужество людей, сохраняющих присутствие духа в экстремальных ситуациях.

Особое место в биографии Михаила Евгеньевича занимает уникальный, почти 100-дневный переход весной — летом 1967 года вместе с потомственным помором Дмитрием Андреевичем Буториным на карбасе «Щель» вдоль берегов Северного Ледовитого океана от Архангельска до легендарной «златокипящей» Мангазеи — важного торгового центра Западной Сибири XVII века. До них почти три века никто не ходил забытым «Мангазейским морским ходом». Это потом, затаив дыхание, за смельчаками будут следить во всех уголках страны, будут многочисленные публикации в прессе и встречи с министром морского флота СССР В. Г. Бакаевым, президентом Академии наук СССР М. В. Келдышем, будут организованы археологические экспедиции и раскопки Мангазейского городища... А пока два

человека на собственные средства на списанном и самостоятельно отремонтированном карбасе под алыми парусами, сшитыми женой Дмитрия Андреевича, отправятся по древнему поморскому пути через три моря и волоком по суше, чтобы доказать саму возможность плавания в те далекие земли. «Завидую Буторину и Скороходову, атакующим Ледовитый океан. Сбросить бы с плеч десяток лет, попросился бы к ним на «Щелью» хоть матросом», — писал известный полярник И. Д. Папанин в те дни.

Мы публикуем уже забытые записки Михаила Евгеньевича Скорохова об этом путешествии, чтобы напомнить современному читателю о том, какую важную роль играл в истории изучения и освоения Арктики энтузиазм, подвижнический подвиг человека.

Публикуем еще и потому, что это одновременно и обращение к молодому поколению. «Хочу написать интересную книгу для мальчишек», — отвечал писатель на вопрос о цели похода. И, как нам кажется, это удалось сделать в полной мере.

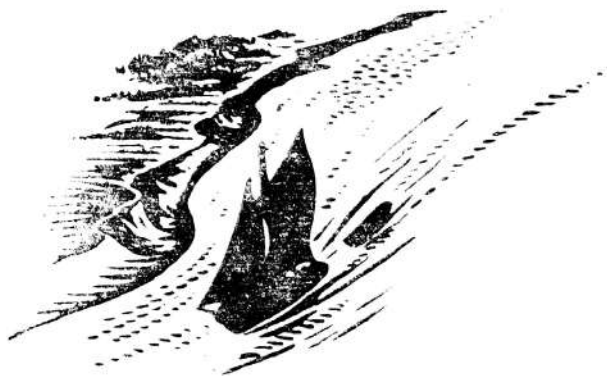
Приятного чтения!

*Генеральный директор —
Председатель Правления
ПАО «Совкомфлот»
И. В. ТОНКОВИДОВ*

Путешествие на «Щелье»

ПОВЕСТЬ

Пролог

Я помню одну весну... Это было на Диксоне. Мы ловили на припае сайку — опускали в полыньи и трещины сачки на веревках, через несколько минут поднимали на лед по шесть-семь рыбешек. Солнце уже несколько недель днем и ночью сияло в безоблачном небе, лучи дробились на снежной равнине, рассыпая радуги, океан света затопил тундру, но было холодно и не верилось, что снег начнет таять. И вдруг в полночь с юга подул горячий ветер. Я протянул ему навстречу закованные руки. Мы, рыбаки-полуночники, сбросили меховые куртки и шапки — стало жарко.

От края до края заблестели первые ручейки. Тундра дымилась, преобразилась на глазах. Талые воды вырвались из-под снежного наста и с тихим лепетом катились к морю. Припай — неподвижный лед, примерзший к берегу, — к утру оказался под водой. На северных склонах холмов еще лежал снег, а на южных поблескивала влажная новорожденная трава.

Через несколько дней припай всплыл и, освобожденный от снега, зеленой лентой засверкал под яростными лучами солнца. В тундре расцвели полярные маки, колокольчики, незабудки. Тысячи птиц — гуси, гаги, лебеди, гагары, кулики, пуночки, чайки, кайры, утки, поморники, куропатки — взмахами разноцветных крыльев, казалось, рождали веселый праздничный ветер; солнечная равнина, переполненная стоном, свистом, пеньем, словно летела куда-то вдаль под блистающим алым парусом, сотканным из лучей незаходящего солнца. Весна пронеслась, как виденье, наступило полярное лето.

С той поры чумазные весны-горожанки навсегда померкли в моих глазах. А та весна-полярница плескалась в памяти, как лебедь в озере. Но однажды мой друг Дмитрий Андреевич Буторин завел речь о весне еще более удивительной и прекрасной.

Мы обсуждали с ним — в который раз! — план нашего путешествия по древнему пути поморов от Архангельска до развалин легендарной Мангазеи, «златокипящей» торговой столицы Севера.

— Пойдем за распадом льда, — сказал он. — Будем двигаться с запада на восток вдоль побережья Ледовитого океана вместе с весной, на ее гребне. Понимаешь, в чем суть? Необычайное ощущение, которое весна дарит каждому человеку, всему живому, можно продлить, усилить. Если находиться на одном месте, в поселке, на зимовке или в городе — где угодно, весна налетит, прошумит, и нет ее — двинулась дальше. Особенно на Крайнем Севере, ты знаешь, весна бурная, бойкая, длится, по существу, несколько дней, ну неделю. А мы от нее не отстанем, будем жить в ней. Весна будет вокруг нас не одну неделю, а полтора-два месяца. Надо тебе испытать самому. Только собраться бы нам в Мангазею...

Мне видится наше суденышко в полярных льдах. Мы вышли в далекий путь примерно за месяц до открытия арктической навигации. Идем впереди ледоколов. Мы одни в океане (прекрасно, не люблю, когда большое движение). Фантастика! Но Буторин, потомственный помор, которого я знаю пятнадцать лет, совсем не похож на фантазера.

«Буду вести дневник, — подумал я. — Потом напишу, может быть, свою главную книгу. Видеть Буторина в его родной стихии, помогать ему изо всех сил — это мое писательское счастье. Путешествие будет уникальным: чтобы два человека на небольшом судне прошли по Мангазейскому ходу за одну навигацию — такого еще не бывало в истории полярного мореплавания. Возможно, наш опыт пригодится, поможет кому-то одолеть стихию, выжить».

Буторин продолжал:

— Весна остановится — мы остановимся. Подождем — спешить некуда. Станем на якорь у кромки или, захотим, разобьем на берегу палатку, рыбачить будем, охотиться. Время-то какое! Тундра забурлит, зацветет, полетят птицы. Поморы так и делали раньше, по рекам шли вплотную за ледоходом, и в море то же самое.

Простоим у кромки сколько потребуется, льды начнут рушиться — пойдем дальше, весна все равно дорогу расчистит, свое возьмет. Я все это видел, испытал на себе. Главное в том, что мы все время будем дышать весной, чувствовать ее. Это большое дело. Важное для жизни. Тут есть какой-то орешек, ученые его еще не раскусили.

Посмотри на гуся весной в тундре — как он бушует, взвизывает, сил девать некуда, орел! А ведь он пролетел тысячи верст, вроде исхудать,

ослабеть должен. В чем дело? В том, что он двигался на север за тающим снегом, вместе с весной.

Зачерпни на льдине талой воды, выпей — кровь так и закипит в жилах. Не напьешься! Эту воду пьют птенцы всех перелетных птиц. Что-то в ней есть такое, особенное.

Или возьми беломорского тюленя. Ранней весной стадо скапливается в южной части Белого моря, самки рожают детенышей и движутся на север за распадом льда, живут на кромке. И так миллионы лет...

«Когда-то люди шли годами, десятилетиями за отступающим ледником, жили у его кромки, — подумал я. — Вот это была весна!»

Буторин говорил еще что-то, но я не слышал его. Меня оглушил, закружил златокипящий, громадный вал, который катился вдоль края продрогшей земли, разливая и разбрызгивая жизнь...

Да, это надо увидеть своими глазами, испытать самому!

Глава первая

1

Он наступил наконец, этот долгожданный день: в воскресенье, 14 мая 1967 года, мы прощались с Архангельском. Последние минуты на причале. Шел дождь со снегом — говорят, хорошая примета.

Нас провожали писатели, журналисты, жена Буторина Манефа Ивановна. Она отвела меня в сторону, сказала певучим, но строгим голосом:

— Михаил Евгеньевич, если с моим мужиком что-нибудь случится, на глаза мне не попадайтесь!

— Не попадусь, Манефа Ивановна, — улыбнулся я. — Если с вашим мужиком что-нибудь случится, то со мной тем более. Тогда при всем своем желании никому никогда на глаза не попадусь...

А я отвел в сторону ответственного секретаря Архангельского отделения Союза писателей, своего друга, поэта Дмитрия Ушакова, и передал ему запечатанный конверт.

— Вскроешь, если что случится. Договорились?

— Что ты, зачем? — спросил он растерянно.

— Возьми. Так, на всякий случай.

Ушаков сунул конверт в карман, мы обнялись. Все, можно отчаливать.

«Щелья» легла на курс, как говорят моряки. Весело тарыхтит мотор. В стороне идет катер, на мостике — друзья, машут руками, что-то кричат, смеются.

— Пожалуй, Дмитрий Андреевич, самое трудное у нас позади, — говорю я. — Отчалили наконец.

Буторин молчит. Его скрюченные пальцы, покрытые ссадинами, впелись в длинный шест, соединенный с рулем.

Первая остановка — в поселке Усть-Пинега. На здешней запани работала диспетчером племянница Буторина Дина. Мы разыскали ее в конторе, договорились, что придем к ней обедать, и вернулись на «Щелью». Буторин решил сменить винт.

— И этот вроде ничего, — сказал он, — но полной отдачи, по-моему, нет. Как ты считаешь?

— Давай все испытаем, выберем лучший.

— Поставим соломбальский, бронзовый.

Действуя бревнами, как рычагами, мы приподняли корму, сменили винт. Сделали круг по реке — скорость как будто увеличилась.

— Хорош, — удовлетворенно сказал Буторин. — Подкатим к Динкиному дому на «Щелье»?

— Стоит ли? Полкилометра туда, потом обратно. Лучше пешком.

— Пусть посмотрят!

Напротив дома, где жила Дина, «Щелья» лихо развернулась, от нее пошла волна и ударилась о мостки, на которых женщина полоскала белье.

— Полный подол воды из-за вас набрала, черти! — закричала она, смеясь и грозя нам кулаком. — Смотреть надо!

— А сама что ж не смотрела? — выключив мотор, спросил Буторин.

— Делом занята!

Посмеялись, привязали «Щелью» к бревну недалеко от мостков и зашагали к Дине. Ее мать, сестра Буторина, жила в устье другой северной реки — Мезени, в порту Каменка, куда мы тоже собирались зайти. Узнав об этом, Дина всплеснула руками:

— Может быть, мы и там встретимся? Я на той неделе буду у мамы.

— Можем тебя доставить туда на «Щелье», — предложил Буторин.

— На таком-то суднышке? Чтобы я согласилась? Ни за что.

— Стерлядью тебя кормить будем и дичью, — пообещал я. — И постель тебе сделаем из гагачьего пуха.

— Утопите! Видела вашу «Щелью», ненадежное судно.

— У нас корабль непотопляемый, — важно заявил Буторин, поднимаясь.

Подойдя к обрыву, мы замерли: «Щельи» на прежнем месте не было. Увидели ее ниже по течению, метров за пятьдесят. Кто-то отвязал и оттолкнул ее; на наше счастье, она приткнулась к песчаной косе. Досталось от Буторина жителям поселка, он ругал их на чем свет стоит. Мотор завелся не сразу, и он успел отвести душу. В стороне стояли два парня и посмеивались.

— Дармоеды! — выкрикнул на прощание Буторин. — Знаю я вас!

По-моему, над нами «подшутила» женщина, которую мы ненароком окатили волной.

На подходе к поселку Пинега «Щелья» налетела на песчаную мель. Оттолкнулись веслами, вышли на глубокое место. На буксире у нас маленькая лодка, сделанная из оцинкованного железа. Стал отводить ее от борта, Буторин в этот момент завел мотор. Буксирную веревку наматало на винт, мотор заглох.

— Вал полетел! — крикнул Буторин. — Все!

Но вал, к счастью, не полетел. Освободили винт, буксир сделали покороче, пошли дальше. Да если бы и произошла авария — ничего страшного: мы захватили с собой стальную болванку для запасного вала, в крайнем случае выточили бы новый; Пинега рядом, там есть механические мастерские. Чертеж у меня в кармане. Вот если вал полетит, когда мы будем в море, во время шторма... Впереди у нас долгий-долгий путь по рекам и озерам, по трем полярным морям. До Мангазеи — более двух тысяч не простых, полярных километров.

2

Страннозвучное нездешнее слово «Мангазея» уже много лет звенит в моей душе, не дает покоя.

По ночам мне виделся этот город-порт, полярный Багдад, который ежегодно поставлял на рынки Европы и Азии сотни тысяч драгоценных соболей, бобров, черно-бурых лисиц, белых и голубых песцов, горностаев, мамонтовые и моржовые бивни...

От мыса до мыса, борт к борту стоят вдоль крутого берега широко-скулые поморские кочи и карбасы. Рябит в глазах от леса мачт.

Город расположен немного севернее полярного круга на высоком берегу глубокой, полноводной реки Таз, впадающей в Обскую губу. С востока и запада его омывают речки Мангазейка и Ратиловка, притоки Таза. Город окружают кустарники, высокие лиственницы, ели, березы.

В долине, покрытой сочной травой, слышен перезвон колокольчиков — это пасутся олени. На оленьих упряжках из тайги и тундры на мангазейскую ярмарку съехалось множество охотников.

На гостинице даже ночью, благо светит незакатное солнце, не утихает многоголосый разноязычный гул: торговые люди из Великого Устюга и Холмогор, из Архангельска и Мезени спешат обменять муку, соль, всевозможные инструменты и украшения, рыболовные снасти на меха и «рыбий зуб». На прилавках — красивые ткани, медные котлы и другая утварь, изделия из стекла.

В роскошных хоромах двух воевод рекой льются заморские вина. На столах — метровые осетры, лососи, икра, грибы и ягоды, блюда из оленины и дичи.

Украшение города — деревянный кремль. Издалека видны его красивые высокие башни, четыре угловых — Ратиловская, Успенская, Зубцовская, Давыдовская — и одна проезжая, Спасская, самая высокая.

В городе три храма, гостиница, таможня, десятки административных зданий и мастерских.

На территории Мангазейского уезда могли бы поместиться четыре таких государства, как Швеция.

Мангазея... будто колокольный звон из глубины веков.

Родоначальниками славного племени поморов были новгородцы. Примерно тысячу лет назад они появились на берегах Белого моря и, занимаясь рыбным и зверобойным промыслом, проникали все дальше на север и восток. Опередив на несколько столетий всех европейских мореплавателей, русские поморы научились строить суда, приспособленные для плавания во льдах, первыми вышли в Ледовитый океан.

В русской летописи XI века есть такая запись:

«Сказание о народе, заключенном в горах. В 1096 году. Вот я хочу сказать, что я слышал четыре года тому назад, мне рассказывал Гюргя Рогович Новгородец следующее: «Раз послал я отрока своего в Печорскую землю, жители которой платят дань Новгороду. И когда мой отрок пришел к ним, он оттуда пошел в Югорскую землю. У Югорского же племени язык немой, и живут они с самоедами в северных странах. Югра же говорила моему отроку: «Дивное нашли мы чудо, о котором до сих пор не слыхивали, уже третий год, как оно началось. За морским заливом есть горы высотой до небес, в горах идет крик большой и говор, там рубят гору, желая вырубиться из нее, в той горе прорублено небольшое оконце, и оттуда говорят, языка их понять нельзя, но они показывают на железо, и, если кто даст им нож или топор, они

отплачивают мехами. Путь же до тех гор непроходим от пропастей, снега и леса, поэтому мы не всегда доходим до них, они есть и еще дальше на севере».

Из этой записи видно, что новгородцы в XI веке добирались до Полярного Урала. Рыбаки и зверобои, объединяясь в дружины, ватаги, совершали труднейшие переходы, но их подвиги, великие географические открытия за полярным кругом не описывались историками, монархи не присваивали им пышных титулов и званий.

Мангазейцы в начале XVII века вышли на Енисей, на Лену, первыми обогнули на кочах самую северную точку Евразийского материка, позднее названную мысом Челюскина.

Как мало мы знаем о подвигах наших предков, я убедился, прочитав в «Летописи Севера» исторический очерк академика Алексея Павловича Окладникова «Пенда — забытый русский землепроходец XVII века».

Из поколения в поколение мангазейские торговые и служивые люди передавали рассказ о подвигах этого человека, о его «головокружительно смелом путешествии».

Никифор Пенда (или Пянда), мангазейский промышленник, в начале двадцатых годов XVII века во главе отряда из сорока человек отправился из Туруханского острога на поиски «новых земель». Он первым из русских людей прошел по Нижней Тунгуске до ее верховьев. Одолев трудный волок, вышел на Лену, по течению проплыл вниз до того места, где позднее был основан Якутский острог, и повернул обратно. Достиг верховьев Лены, перешел через бурятские степи и, добравшись до Ангары, спустился по ней к Енисею. По нему приплыл в Туруханск.

Путешествие продолжалось несколько лет. Путь, пройденный Пендой и его товарищами, примерно равен расстоянию от Москвы до Камчатки!

По мнению Окладникова, мангазейский воевода Андрей Палицын использовал отчет землепроходца при составлении докладной записки царю, в которой говорилось о намечаемом присоединении Ленского края к России.

Остатки зимовий, построенных отрядом Пенды на Нижней Тунгуске и в других местах, вероятно, сохранились до наших дней.

О северной «Стране тьмы» и ее богатствах упоминается в известной книге Марко Поло, изданной в 1298 году:

«На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же как у нас в сумерки. У жителей нет царя, живут они как звери, никому не подвластны...